

— Сколько лет существует ваша группа?

Бочар.: В полном составе, в котором она существует сейчас, с начала этого года. Само название Cryogenica существует эдак года полтора, наверное. А наша группа, то есть Мишка, Антон и я, без Александра, мы играли еще года два-три года назад.

— Что значит Cryogenica, и как появилось это название?

Бочар.: Ну, можно переводить с греческого корни cryos и genos как «рожденные холодом», но лучше этого не делать, потому что получается слишком заумно. А родилось, в общем-то... Я придумал — и все...

— А до этого какие были варианты, ну, из самых нормальных, по твоему мнению?

Бочар.: Нормальных не было!

— Понятно, вот ты сказал, что у вас еще есть клавишник, где он?

Бочар.: У нас.

— Где он сейчас?

Бочар.: Дома...

— И правда, дурацкий вопрос.

(тупой смех)

Так, ладно...

(тупой смех)

Так... М-м-м... Вы — Мишка и Антон!

(тупой смех)

Бочар.: Ну-ну!

— Как началась ваша группа?

(тупой смех)

Вы одноклассники? Вы учились в одной школе? Как вы пришли к тому, чтобы создать эту группу?

Бочар.: Мы действительно были одноклассниками, Мишка, Антон и я. И, в общем-то, группа сама по себе появилась как-то спонтанно. Сначала Антон купил себе гитару и начал на ней что-то играть, потом мне понравилось петь, потом Мишка сказал: "А давайте-ка я буду играть на ударных!" — и появилась группа!

— Ясно...

Антон: А еще у нас была басистка, но ее сейчас нет.

— Что случилось с басисткой?

Антон: Мы ее съели!

Бочар.: Теперь я басистка.

— Понятно. Ваш теперешний состав вас устраивает или вы хотели бы добавить еще какие-нибудь инструменты или еще что-

нибудь? Расскажите об этом!

Бочар.: Ну, Самуилыч все время хочет, чтобы мы сыграли соло на саксофоне абсолютно в любой из наших песен. Но пока что... Было бы здорово, если бы кто-нибудь поиграл нам на струнных.

Антон: Это, видимо, будет сам Шаляпин, потому что он умеет на них играть.

— Представим такую ситуацию, что вы могли бы выбрать абсолютно любые инструменты в любых количествах. Какие инструменты вы бы предпочли для своих песен?

Бочар.: Симфонический оркестр бы неплохо.

Антон: Да. И все. А так нас все устраивает. А еще нам хорошие инструменты нужны, а то у нас сейчас плохие.

— То есть на данный момент вам не хватает только струнных.

Бочар.: Симфонического оркестра!

— Понятно, симфонического оркестра им не хватает, ублюдки... Расскажите, кто такой Самуилыч.

Антон: Это козел!

— А попопунктней? Я хочу сказать, попопункткорректней?

Антон: Он очень плохой человек!

— А попопунктней?

Антон: Козел!

— Блин, кто такой Самуилыч, Мишка?

Мишка: Это такой волосатый мужик, который там сидит всегда.

— Вопрос номер пять, Святослав, кто такой Самуилыч?

Бочар: Хэ-хэ-хэ!

— Спасибо!

Бочар: При чем тут Самуилыч?

— Потому что ты сейчас сказал, что Самуилыч говорит, что вам нужен саксофон, ну и кто такой Самуилыч?

Антон: Самуилыч — это а-ля хурук нашей группы, которого нам предоставило доброе РОСНОУ, место, где мы репетируем.

— РОСНОУ? Почему вы репетируете именно там?

Бочар: Потому что это бесплатно, и мы дебилы.

— Очень хорошо. Спасибо. То есть вас не устраивает РОСНОУ?

Бочар: Это вообще не относится к нашей группе никак, перестань задавать дурацкие вопросы, дебил!

— Это относится к вашей группе, потому что нашему дорогому читателю интересно, где вы репетируете, а вы все время рассказываете про Самуилыча какого-то!!! Когда я спрашиваю, каких вам инструментов не хватает, вы говорите, «а Самуилыч

хочет, чтобы мы сыграли соло на саксофоне»!!!

(Завязывается потасовка. Драка на ножах. Святослав возвращается за столик с раненым плечом и отрубленной ногой)

Бочар: Пусть будет абстрактный Самуилыч.

— ОК. Оставим Самуилыча. Блин. Учеба мешает?

Бочар: Иногда... когда сплю... то храплю. Все.

— Учеба мешает заниматься музыкой в твоей группе?

Бочар: В основном мешает мама Шаляпина. Ой! Не вставляй это никогда никуда!

— Хорошо. Тогда такой вопрос, как относятся ваши родители к тому, что вы поступили в университет, но, тем не менее, продолжаете уделять много времени группе?

Бочар: (радостно) Иногда меня бьют!

Антон: Мои забили, в общем, весьма на все, и на университет, и на группу.

— То есть они вообще не обращают внимания на твои действия?

Антон: Они вообще на много чего не обращают внимания, потому что они очень много работают и им слегка на все насрать, когда они приходят домой.

— Понятно. Хорошее получится интервью. А у тебя, Мишка?

Мишка: Чо?

— Спасибо!.. Если я не ошибаюсь, то Славик учится на журналиста, Антон — на биолога, а Мишка — на переводчика. Все-таки, вы в будущем хотите быть музыкантами, или...

Бочар.: Музыкантами!

— Все хотят быть музыкантами. А зачем вы тогда поступили на журфак, на биофак и в РОСНОУ?

Бочар.: Потому что алаверды! А ты нахрена поступил на журфак?

— Это когда меня будут спрашивать, я отвечу.

Бочар.: Хорошо, ну вот я спросил!

— Это не имеет отношения к вашей группе, так же как и Самуилыч!

Бочар.: Ну как тебе сказать...Во-первых, нужно обязательно получить какое-нибудь образование... В нашем случае, если говорить о музыкальном образовании, то нам нужно было начинать с музыкальной школы.

Антон: Но слишком много на это времени убивается и в итоге ни к чему не приводит. Мы учились в обычных школах, и никто из нас, например, не знает нот.

Бочар.: И потом мы выбрали себе то, что нам интересно еще в жизни,

кроме музыки.

— То есть вы не исключаете такого варианта, что ты в будущем станешь биологом, ты — переводчиком, а ты — журналистом. Или же вы попытаетесь как-то соединить свои увлечения, журналистику и музыку, биологию... и музыку?

Бочар.: Ну, как тебе сказать, вот мне, скажем так, помогают многие мои навыки в журналистике, как в написании, так и в исполнении песен. Я не знаю, как Антону помогает биология играть на гитаре.

Антон: Мне она никак не помогает играть на гитаре. Там просто очень клёво учиться. Вот.

— Э, понятно.

Антон: Мишку спроси что-нибудь.

Мишка: Чего?

— Мишка, ты в будущем хочешь стать все-таки лингвистом или музыкантом?

Мишка: Только не лингвистом!

— Хорошо. Есть та планка, на которую вы равняетесь, до которой вы хотите добраться, и вот когда вы доберетесь до этого уровня, вы будете считать, что вы уже добились чего-то такого?

Антон: Ну, в принципе, есть. Они потихоньку меняются, планки там всякие-разные... В зависимости от того, что мы в данный момент слушаем, сейчас это, допустим, группа "Muse" — такая большая планка, но мы не будем считать, что больше ничего не надо делать, когда мы достигнем их уровня. Вот.

Мишка: Что?! О чем вы?! Суете мне!(отбрыкивается от микрофона)

— А раньше вы чем увлекались?

Бочар.: Планки — это не то, что мы хотим играть как кто-то, например. В случае с "Muse" — это качество. А если говорить о каких-то глобальных планках — что мы бы когда-нибудь в будущем хотели бы стать такими же известными как Майкл Джексон — то этого нет. Ну... Просто, мы действительно хотим хорошо играть свою музыку, настолько хорошо, чтобы это нравилось нам и всем остальным. Пока что мы недовольны тем, как мы исполняем, поэтому нам есть к чему стремиться, такая планка тоже есть.

Мишка: Дело в том, что...

— Ура!

Антон: Давай, давай!

Мишка: Так вот. Дело в том, что, по поводу... Я прослушал, о чем мы говорим... По поводу планок? Какие цели мы ставим? На самом деле, цели самые максимальные, то есть мы стремимся к максимуму. То есть

если говорить про профессию... Я несколько вопросов пропустил — сейчас я все отработаю. По профессии я работать не хочу. То есть лингвистом точно не хочу стать. Я поступил в университет, в принципе, просто для того, чтобы получить образование, чтобы выучить языки. Вот. А по поводу музыки — самые серьезные намерения, поэтому и планки соответствующие. Вот. Самые серьезные планки. Хи-хи-хи!

— Что для вас важнее, чтобы вас слушала целая куча народу, чтобы вы собирали огромные стадионы, или чтобы вы считались модной андерграундной группой в узких кругах?

Бочар.: Мы действительно никогда не собирали стадионы, как это ни странно.

— Ну, хотите собирать?

Бочар.: Ты вот послушай! Мы сейчас действительно не знаем... Мы знаем, что, вроде как, это очень круто, когда ты играешь, и много людей, и наступает такой катарсис и прочие страшные слова, но, с другой стороны, нельзя сказать, что все, что мы делаем, упиралось бы вот в это — собрать как можно больше народу. Нам нужно найти какую-то свою целевую аудиторию и, разумеется, будут люди, которые будут слушать просто, потому что хорошая музыка. А кто-то будет слушать и думать: "Ууу, это мегакруто!". Но пусть таких будет немного. Мы не стремимся к попсовости, понимаешь?

— А сейчас у вас есть своя аудитория?

Бочар.: Так как мы выступали пока что один раз, хм, то аудитория у нас в основном потенциальная. Мы можем примерно назвать, но зачем это нужно? Хрен тебе!

— А где вы выступали?

Бочар.: В РОСНОУ гребаном!

Антон: На каком-то концерте там, посвященном Новому году.

Бочар.: Сейчас будем принимать участие во Всероссийском конкурсе групп из ВУЗов...

Антон: Который никто не знает...

Бочар.: И на журфесте еще...

Антон: Да? Где? Че это такое?

Бочар.: Журфаковский фестиваль....

Антон: Оу, вопросов нет.

Бочар.: Ну и ладно!

— Где бы вы хотели выступить?

Антон: В хорошем клубе каком-нибудь.

Бочар.: Я хотел бы, конечно, в Олимпийском!

— Серьезно?

Антон: Ну как... Хороший концерт в Точке собрать хотели бы...

Мишка: Если говорить о нас, то, конечно, на самых крупных стадионах, в Луже или в Олимпийском.

Бочар.: Или в канаве.

— То есть вам больше хотелось бы, выступить на огромном стадионе для ревущей толпы, где все танцуют, или в небольшом клубе, где соберутся только те, кто по-настоящему любит, ценит и понимает вашу музыку?

Бочар.: Дело в том, что наша музыка сама по себе не клубная, это я могу сказать сразу. Существует такая тяжелая музыка, под которую хорошо колбаситься на стадионе, когда вас много...

Антон: При этом нас не устраивает качество звука на стадионе, а мы к этому достаточно серьезно относимся. Но в принципе, мы не знаем... Где выступим, там и выступим.

Мишка: Я считаю, что все должно быть в одинаковой мере, и в клубах, и на стадионе. Я так считаю. А вообще, нужно стремиться к мировому господству, во!

Бочар.: Мишка сказал свое слово!

— Вернемся к вопросу о ваших слушателях, вы можете нарисовать своего идеального поклонника?

Антон: Не можем. Такого не рисуют.

— Ну примерно? Женщины с большими буферами, упругими задницами и голубыми глазами?

Бочар.: Это человек, который любит качественное исполнение, оригинальную неплохую музыку в стиле рок, который готов ко всяким экспериментам и так далее...

— К какому стилю вы себя причисляете?

Антон: Ни к какому — это все бесполезно абсолютно...

Бочар.: Думаю, я буду не первый человек, кто такое сказал: выделением каких-то стилей занимаются обычно не сами музыканты, а кто-то еще. Мы можем придумать, как HIM, которые сказали, что они играют love-metal. Evanescence сказали, что они мелодичный метал. Мы можем сказать, что мы какой-нибудь, бобуино-оружий метал или еще какой-нибудь бред в этом духе, но от этого мы не причислим себя к какому-то стилю, так что пусть причислят нас.

Мишка: Надо сначала записать первый альбом и понять в каком он будет стиле, вот и все. Сейчас пока сложно сказать.

Антон: Это что-то между современным брит-попом и современным

нью-металлом.

— Мнение другого участника группы.

Бочар.: Э-э-э, да пошел ты!

Мишка: Вот именно, пошел ты!

— Бей его, ребята!!!

(завязывается драка. Антону отрубают голову)

— Мишка затронул очень важную тему, как у вас обстоят дела с записью?

Антон: Некоторые песни записаны более менее плохо, но записаны... Мы зимой над этим очень сильно парились – записывались в домашних условиях. Вот. Ну записи, как бы, есть... И в этом отношении у нас все обстоит гораздо лучше, чем у остальных...

Бочар: Так как мы делаем все достаточно по-русски, то есть делаем все своими силами, без помощи каких-то там профессионалов, то качество записи у нас пока что не очень. С другой стороны, мы очень много умеем делать сами, и если понадобится в будущем принимать участие в микшировании своих песен, то мы можем помочь... Пока что, на данном уровне, у нас нет большого количества качественно записанного материала и нет пока что возможности записывать живые ударные.

Мишка: Это полное дерьмо, что нельзя записывать живые ударные, это очень, очень, очень, очень, очень плохо... И в корне не устраивает. Вот.

— Это все что ты хотел сказать?

Мишка: А че?

— Ну ты руку тянул!

Мишка: Я ее просто растягивал...

— Блин, ладно, так... Есть группы, которые позиционируют себя только как студийные, есть такие, которые ведут активную концертную деятельность. Что ближе вам, выступать перед живой аудиторией или работать в студии со всякими штуками?

Бочар.: Конечно, хочется очень много записать, там, по 50 дорожек на каждую песню, отшлифовать идеальное звучание... Но, с другой стороны, потом выйти на сцену и не быть в состоянии сыграть что-то из этого не хочется...

Антон: Не хочется и наоборот — играть фигню элементарную, где 4 инструмента и 4 партии...

Мишка: Я считаю так, что нужно, например, один раз записать альбом... Один раз... Но хорошо! И просто дальше выступать с этой

программой, параллельно записывать и собирать материал, записывать сначала какие-то наброски, например...

Антон: Я не знаю ничего!

Бочар.: Мы ничего не пробовали! Я не могу сказать, что мы ничего не знаем по поводу того, стоит ли так долго париться над записью, чтобы мы не смогли потом это сыграть... Моя мысль, что так не надо делать... Нужно записывать ровно столько, сколько мы можем сыграть и, может быть, пару звуков, которые не важны для песни. Если мы записываем что-то важное для песни и потом не можем это сыграть – это в ущерб песне. Так не надо делать.

— У вас есть кумиры?

Бочар.: Лузер, уронил кассетку!

— То есть такие личности, услышав которых вы решили заниматься музыкой, наступил катарсис и прочий бред...

Бочар.: Такого, что после прослушивания какой-то группы мы решили играть сами, – нет. На том или ином этапе появляется группа, которая нам очень нравится и, к счастью, одно и то же нравится всем... Нам всем какое-то время нравился Linkin Park, какое-то время Rammstein, Muse...

— Идиотский вопрос – как вы видите дальнейшее развитие вашей группы? Как сообразительные мальчонки вы ведь понимаете, что сегодня в одной только Москве дофига групп, которым нравится Линкин парк и Мьюс, которые играют рок, которые поют на английском, которые имеют похожий состав... Как вы хотите пробиваться и чем вы выделяетесь из этой массивной массы музыкантов?

Бочар.: Смотри... действительно есть много групп, которые играют рок. Ты сразу же отсеиваешь большой процент, когда говоришь, что они поют по-английски (мы говорим про русские группы сейчас). Еще процент отсеивается, когда речь идет о материале, потому что многие играют каверы...

Антон: В основном многие играют панк и метал...

Бочар.: Мы не панк и не метал. Мы считаем что наша музыка достаточно оригинальная. Пока что, наверное, она не так хорошо звучит, как что-то обычное, то что играют все, но просто она у нас достаточно сложная. А в перспективе что? В перспективе мы выступим на нескольких фестивалях, но это, в принципе, не так важно. А потом просто будем продолжать учиться играть, записывать, по возможности, слать кому-нибудь свои записи. В любом случае, пока что сейчас для

нас самое главное – накопить материал и научиться играть, а не то чтобы просто прорваться.

Мишка: Лично я на 100% уверен, что нам удастся прорваться, сейчас нам просто нужно очень много работать. То, что мы делаем – это однозначно здорово...

— То есть, вопрос «Что нового вы хотите сказать своей музыкой» уже можно не задавать?

Бочар.: Да ладно, задавай!

— Что нового вы хотите сказать своей музыкой?

Бочар.: Когда я пишу песню, я обычно не пишу ее так, будто бы это манифест, и я хочу кого-то что-то заставить делать. С другой стороны, наши песни — это совсем не «А я все летала». Песня – это воплотившееся чувство, запечатленная мысль. При этом, когда я пишу песню, я редко думаю, что хочу ей сказать. Но я и не высасываю из пальца. Бывает так, что через полгода после написания понимаю, о чем писал. А еще мы все вкладываем в каждую песню свои общие и индивидуальные мысли и чувства в процессе работы над ней. Наше творчество становится полноценным, только когда мы все скажем в песне то, что чувствуем, объясним, что нас с ней связывает.

— А сейчас без иронии и без прикола: бывает так, что ты напишешь песню и думаешь «вот такая классная штука», а потом ты ее слушаешь и думаешь, «фу дерьмо!»?

Бочар.: Нет.

— Песни в группе пишешь только ты, или это коллективное творчество?

Бочар.: Раньше у нас вообще было очень смешно, потому что я не умел играть на гитаре. Я примерно придумывал мелодию и некоторые слова...

Антон: А потом мы вместе придумывали мелодию и аккорды... Сначала Бочаров писал только слова...

Бочаров: Не-не-не... не сначала писал слова... А потом я научился сам играть и стал самостоятельно писать песни... А потом пришел еще Александр Шаляпин...

Антон: У него было уже несколько готовых мелодий, он как бы тоже пишет немного...

Бочар.: Да, плюс он еще на одну из наших старых песен, на которую не было мелодии – был только текст, придумал... там... немножечко... придумал... В общем, мы ее тоже играем.

Антон: В общем, у нас по-разному бывает, по-разному будет. Мы научимся получше играть и, может быть, потом будем играть не только вокальные произведения...

Бочар.: А еще бывает, что мы иногда какую-то импровизацию можем придумать... А еще я забыл сказать, что пока есть что сказать, сказать что-то не проблема. То есть мы можем что-нибудь симпровизировать на репетиции, а потом я приду домой и напишу на это слова...

— Вы часто импровизируете на сцене?

Бочар.: Раньше мы очень много импровизировали...

Антон: Сейчас мы меньше этим страдаем, потому что это слегка бесполезное занятие.

Бочар.: Сейчас мы меньше этим занимаемся, потому что наш худрук заставляет нас бесконечно прогонять одни и те же песни, поэтому мы хотим сейчас с этим завязывать...

Антон: Это к теме о том, что мы дебилы и не свалили еще из РОСНОУ на нормальную репбазу...

— Вы принципиально не играете каверы? И не хотите? И не будете?

Антон: Будем, наверное, может захотим еще какие-нибудь сыграть...

— Записать альбом каверов?

Бочар.: Нет, нет, такого никогда не будет, но, если говорить о каверах... Есть смысл играть каверы только тогда, когда ты чего-то достиг и можешь вложить в них что-то свое...

Антон: Что-то изменить реально там...

Бочар.: И сыграть по крайней мере не хуже, чем оригинал...

Антон: Угу!

Бочар.: А сейчас... Если брать те группы, которые мы сейчас слушаем... Если мы будем играть их песни, мы сыграем хуже, чем они... И зачем нам это надо? Я забыл сказать, что в своем стиле нам играть легче, чем в чужом...

— «Странно»...

Бочар.: Да, странно. Просто некоторые в своем не умеют играть, а умеют только в чужом...

— Вы принципиально не пишете песни на русском?

Бочар.: Нет, у...

Антон: ...нас есть песни на русском...

— Вы их играете сейчас?

Бочар.: Нет...

— Почему?

Бочар.: Не знаю... Понимаешь, творчество должно быть достаточно слитным, то есть, конечно, если говорить о расчете на какую-то аудиторию, которая будет нас слушать, то можно написать столько-то песен на английском и столько-то на русском и т.д. Но у нас не так. У нас получается, как получается. Я, к примеру, на английском пишу не потому что думаю, что это больше шансов стать популярными. Просто так получается. Если будет получаться на русском, то почему бы и нет. Мишка: Лично мне просто больше нравятся английские тексты, вот и все...

— Вы затронули тему популярности. Если вдуматься, то в России нет ни одного (кроме, пожалуй, «Тату») русского англоязычного коллектива.

Бочар.: В России следующая проблема... У нас нет почти ни одного исполнителя, который мог бы петь без акцента. Это очень большая проблема. То есть я слышал на некоторых рок-концертах, даже в Олимпийском, когда русские музыканты пытались исполнить кавер или что-то в этом духе на английском языке – это ужасно! И еще меньше людей умеют писать песни на английском языке.

Антон: А еще... А еще... Вот... Да!

— В будущем для вас важнее быть популярным в России или за рубежом?

Мишка: Мировое господство!!!!

Бочар.: Россия... щедрая душа... То есть, нет, погоди. Мы все в определенном смысле патриоты (Мишка, молчи)... Но, с другой стороны, наша музыка – это не то, что можно назвать коммерческим проектом с каким-то конкретным расчетом, мы играем не для того, чтобы стать популярными в России и мы не мечтаем стать популярными в мире. Мы просто делаем музыку, которая нам нравится... красивую... А потом... Мы не будем плакать, если мы будем популярны здесь... или там... или в Непале...

Мишка: Мы станем популярными, потому что таких, как мы, нет в России...

— Может быть их нет, потому что никто не хочет слушать песни на английском. Люди, которые слушают, допустим, Наив не хотят слушать песни на английском, потому что они «не понимают ни хуя»...

Бочар: Дело в том, что люди, которые слушают Наив, — не совсем наша аудитория, Наша аудитория – это те, кто слушают заграничные группы, потому что Россия не может пока предложить ничего взамен.

Потому что сегодня самые популярные группы — это «Наив» и «Король и Шут»...

— Не придирайся к Наиву!

Бочар.: Я не придираюсь к этой отстойной группе... Я хочу сказать, что, то что мы играем в России, не играет больше никто...

Мишка: Если мы будем востребованы здесь, то – пожалуйста, если где-то еще, то – пожалуйста... В Тайланде...

Бочар.: Да, в Тайланде много народу...

— А теперь вопрос, который я украл из журнала Rolling Stone! Дайте определение своей музыке пятью словами. Просто пять слов.

Все вместе: Пиписька, круто, стоять, вареные сосиски, плохой звук...

— Спасибо, это будет последняя фраза в интервью.

Бочар.: Э, нет, погоди, дай подумать! Мысль, драйв, красота, глубина, разнообразие.

Антон: Ну, «красота», «драйв», это из его оперы, «оригинальность», «мир», ну и «альтернативность», что ли...

Мишка: «Жизнь», «свет», «глубина», «драйв» и...

— Быстрее, у меня рука устала...

Мишка: Ничего, потерпишь... «ритм»...

— Ну и последний вопрос, а то я уморился уже, ваши дальнейшие творческие планы...

Бочар.: Ты же вроде это спрашивал уже!

— Ну и все, нафиг тогда... Спасибо, дорогие ребята!!